Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Головные уборы XIV в. из раскопа Дубошин II в Великом Новгороде

О. А. Тарабардина, М. И. Петров, Е. С. Зубкова¹

Аннотация. Статья посвящена средневековым головным уборам — войлочным шапкам, обнаруженным в ходе археологических исследований в Славенском конце Новгорода на раскопе Дубошин II: их характеристике, археологическому контексту находок, принадлежности к определенным комплексам усадебной застройки и хронологии.

Annotation. This paper is devoted to mediaeval headdresses — felt caps found during archaeological investigations at the Slavensky Konets (district) in Novgorod at excavation Duboshin II. It comprises their characterisation, archaeological context of the findings, belonging to particular complexes of the buildings at the urban properties and chronology.

Ключевые слова: средневековый Новгород, раскоп Дубошин II, усадьбы, комплексы застройки, материальная культура, головные уборы.

Keywords: mediaeval Novgorod, excavation area Duboshin II, urban properties, complexes of buildings, material culture, headdresses.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-148-153

При археологическом изучении культурных напластований Новгорода в руки исследователей попадают артефакты из органических материалов, характеризующие различные аспекты быта средневековых горожан, в том числе такие, которые достаточно редко встречаются в ходе раскопок. К числу нечастых находок, безусловно, следует отнести головные уборы — за многолетнюю историю археологического изучения Новгорода найдены всего несколько предметов такого рода. Тем интереснее, что в 2017 г. при работах в центральной части Славенского конца города на раскопе Дубошин II в слоях XIV в. были обнаружены сразу три войлочные шапки (Петров, Тарабардина, 2019; Зубкова, Сингх, 2018).

Публикация этих находок, описание археологического контекста, в котором они обнаружены, определение их принадлежности конкретным

комплексам усадебной застройки и хронологии являются задачей настоящей статьи.

В ходе исследований в пределах раскопа Дубошин II выявлены две средневековые усадьбы: большую часть территории занимала усадьба «А» (изучено более 50 % ее площади), а в юго-западном углу зафиксирован фрагмент усадьбы «Б», располагавшейся южнее усадьбы «А». Обе усадьбы в древности выходили на Витков переулок, проходивший западнее зоны исследований (Петров, Тарабардина, 2019. С. 29).

Головные уборы, которым посвящена эта статья, найдены на территории усадьбы «А» в слоях XIV в. В этот период жилые и хозяйственные постройки располагались по периметру усадьбы: крупный жилой сруб находился, как правило, в ее юго-восточной части, а вдоль северной и восточной границ усадьбы ставились 3–4 небольшие постройки, с трех сторон окружая мощный двор. Мощения и настилы, перекрывающие значительную часть двора, также являлись характерной чертой этого времени: эти элементы благоустройства очень облегчали жизнь обитателей усадьбы в условиях быстрого формирования культурных отложений и повышенной увлажненности участка. Такой принцип организации

¹ Тарабардина О. А., Петров М. И. — Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника; ул. Ильина, д. 26, г. Великий Новгород, 173000, Россия; e-mail: o.tarabardina@mail.ru; m_i_petrov@mail.ru. Зубкова Е. С. — Псково-Изборский государственный музей-заповедник; ул. Некрасова, д. 7, г. Псков, 180000, Россия; e-mail: zuba.pskov@gmail.com.

усадебного пространства воспроизводился с вариациями в нескольких ярусах; всего же на протяжении XIV в. прослежено восемь разновременных горизонтов застройки (горизонты 2–9). Высокие темпы накопления культурного слоя обусловили хорошую сохранность построек, а также частую смену внутриусадебных мощений. Жилым и хозяйственным сооружениям того или иного горизонта зачастую соответствовали несколько разновременных настилов, которые маркировали различные этапы жизни усадьбы в рамках одного строительного горизонта.

В слоях XIV в. на усадьбе «А» собран многочисленный и разнообразный вещевой материал. Наряду с бытовой утварью здесь обнаружены девять берестяных грамот², цера с остатками воска и следами записей, четыре свинцовые буллы и четыре заготовки печатей, элементы снаряжения всадника, четыре западноевропейские свинцовые пломбы, предметы импорта (ткани: фрагменты шелка и сукна (Зубкова, 2019. С. 266–271), греческие орехи, хрустальные бусы). О высоком культурном уровне владельцев усадьбы «А» в этот период помимо грамот и церы говорят многочисленные находки шахмат, в том числе неполный комплект из 22 шахматных фигур из камня.

Особенностью вещевых комплексов усадеб XIV в. является то, что большую часть найденных здесь индивидуальных находок (67 % коллекции) составляют предметы из органических материалов — дерева (36 %), кожи (23 %), кости (2 %), тканей и войлока (6 %). К категории нетканого текстиля относятся три шапки, которые в момент находки представляли собой бесформенные комки войлока, и лишь после обработки в камеральной лаборатории стала возможной идентификация этих предметов.

Первый головной убор (30-13-№ 14³) — изготовленная из войлока шапка полусферической, несколько вытянутой формы была найдена на территории двора усадьбы «А». Высота изделия при отвернутом нижнем крае (шапка сохранила

отворот-околыш по тулье) — 18–20 см, диаметр по макушке — примерно 8 см (рис. 1, 1). Отверот двойной: нижний край на ширину около 6–7 см отвернут на тулью, а затем обратно вниз. Таким образом, ширина околыша составляет около 3,0–3,5 см. Длина окружности по нижнему краю — 60–62 см. Шапка сильно повреждена: имеются многочисленные разрывы, нижний край частично оборван. Предмет обнаружен в слое навоза со щепой наряду с фрагментами ткани, тесьмы и деталями кожаной обуви. Эти напластования синхронны застройке горизонта 5 (5-1, 5-2⁴) и могут датироваться 1350–1360-ми гг.

Вторая шапка (31-40-№ 4) обнаружена в южной части двора усадьбы «А», в темно-коричневом слое со щепой; ее параметры — высота и длина окружности по нижнему краю точно не определяются из-за плохой сохранности изделия (край полностью оборван), но диаметр макушки составляет, как и у описанной выше, 8 см (рис. 1, 2). Рядом с войлочной шапкой найдены фрагменты кожаной обуви и деревянные детали. Слой, в котором сделана находка, также отложился в период существования горизонта 5 (5-3) и в целом имеет ту же датировку.

Третья шапка (35-3-№ 51) найдена в северо-западной части усадьбы «А» при рытье северной дренажной траншеи. Она отличается лучшей сохранностью, чем две предыдущие; высота изделия — 24–25 см, длина окружности по нижнему краю — 60–63 см, диаметр макушки — 8 см (рис. 1, 3). Шапка обнаружена в темно-коричневом слое с высокой концентрацией щепы и включениями навоза, фактически не содержащем находок, под срубом № 44. Обилие щепы и отсутствие находок, как правило, отмечается в слое строительства сооружений того или иного горизонта (в данном случае — постройке горизонта 5).

Таким образом, шапки Дубошина раскопа идентичны по форме — это колпаки с вытянутой полусферической тульей, изготовленные из войлока, толщина которого колеблется на отдельных участках (в зависимости от сохранности) от 3 до 4 мм. У одной из описанных шапок по тулье явно прослеживается отворот-околыш. Сохранность же двух других не позволяет уверенно судить об оформлении нижнего края шапок. Однако изображения в различных источниках — как ранних, так и более поздних (фрески, книжные миниатюры, зарисовки из записок иностранцев) —

² Всего на раскопе найдены 12 грамот: одна грамота относится к концу XII — началу XIII в., девять документов — к XIV в., две грамоты происходят из слоев конца XIV — первой четверти XV в.

³ Здесь и ниже в шифрах находок первая цифра обозначает номер пласта (мощность пласта на раскопе Дубошин II составляла 10 см), вторая — номер квадрата, третья — номер находки в полевой описи.

⁴ Горизонт 5 разбит на три подгоризонта: 5-1, 5-2, 5-3.

Рис. 1. Раскоп Дубошин II. Головные уборы, войлок: 1 — 30-13-№ 14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51
Fig. 1. Excavation area Duboshin II. Headdress, felt: 1 — 30-13-№ 14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51

свидетельствуют о том, что околыш у такого типа головных уборов был непременно элементом.

Как показано выше, все три головные убора, обнаруженные на раскопе Дубошин II, найдены в сходных стратиграфических обстоятельствах — на территории двора усадьбы «А», вблизи построек (что облегчает датировку), в слое с высоким содержанием щепы и навоза. Все шапки связаны с напластованиями горизонта 5, постройки которого сооружаются в 1350-е гг. и существуют до 1360-х гг., когда им на смену приходят сооружения горизонта 4. Опираясь на стратиграфические данные, можно предположить, что последний из рассматриваемых головных уборов (35-3-№ 51) оказался в культурном слое в ходе строительства на усадьбе в 1350-х гг., а другие — на разных этапах функционирования этого комплекса сооружений в 1350–1360-е гг. (рис. 2).

В отличие от выше- и нижележащих горизонтов застройки, все постройки горизонта 5 вошли в раскоп лишь частично, что затрудняет определение их размеров и функционального назначения. Тем не менее очевидно, что вход на усадьбу располагался в северо-западной части раскопа, со стороны Виткова переулка. Шесть небольших построек размещались по периметру усадьбы, вдоль ее западной (сооружение № 33), северной (сооружения № 43, 44, 46) и восточной границ (сооружения № 32, 36). Сооружение № 33, находившееся в западной части усадьбы, — постройка явно нежилого характера, но с большой печью, сложенной из кирпича, что довольно редко в средневековом Новгороде (Петров, Тарабардина, 2019. С. 30, рис. 5). На начальном этапе исследований предполагалось, что постройка имеет производственное назначение, однако отсутствие предметов, указывающих на ремесленный характер усадьбы, за исключением домашнего ремесла (пряжение, ткачество), опровергает это предположение.

Сплошные мощения, подобные тем, что зафиксированы в более раннем (горизонты 8–9, первая треть XIV в.) и более позднем (горизонт 4 — 1360–1370-е гг.) периодах, на этом хронологическом отрезке отсутствуют. Во дворе прослеживались остатки мощений, выполненных из вторично использованного дерева. Дневная поверхность понижалась в западном направлении (перепад глубин составлял около 0,2 м), слой откладывался очень интенсивно: постройки сохранились на 2–9 венцов, а мощность синхронных им напластований, образованных темно-

коричневым гумусом со щепой и пластами навоза, достигала 0,6 м.

Скорость формирования отложений — до 60 см за 10 лет, то есть до 6 см в год, свидетельствует о высокой интенсивности жизнедеятельности в этом горизонте усадьбы (Долгих и др., 2018. С. 60). Наличие мощных отложений навоза указывает на содержание здесь значительного количества домашнего скота, что может служить дополнительной имущественной характеристикой жителей.

В вещевом комплексе этого горизонта широко представлены разнообразные бытовые предметы (главным образом из дерева и кожи), артефакты, связанные с домашними ремеслами и промыслами, детали обуви, детские игрушки, деревянные счетные бирки. Также здесь найдена берестяная грамота № 1102 — письмо Лукерьи к матери, написанное по поводу устройства поминок и других дел, вызванных смертью родственника (Гиппиус, Зализняк, 2018). В грамоте упоминаются передаваемые по завещанию денежные средства — рубль и полтина. При этом среди находок мало изделий из металла, в частности, украшений, отсутствуют свинцовые печати, скреплявшие различные документы, и импортные предметы. Впрочем, это может быть вызвано тем, что в пределы раскопа попала главным образом дворовая территория со свойственными ей находками хозяйственного назначения. В целом создается впечатление, что усадьба «А» в этот период принадлежала горожанам не слишком высокого имущественного статуса.

Таким образом, все три находки относятся к очень узкому хронологическому периоду — 1350–1360-м гг., и это примечательно, хотя определить причины такой концентрации редко встречаемых артефактов на одной средневековой усадьбе не представляется возможным.

Большинство войлочных шапок, датировки которых нам известны, происходят, как и дубошинские находки, из слоев XIV в.: это находки с Неревского и Троицкого раскопов в Новгороде и Пятницкого раскопа в Старой Руссе (Зубкова, Сингх, 2018)⁵. В 2020 г. на раскопе Дмитриевский 3 в Неревском конце Новгорода обнаружена еще одна войлочная шапка — и тоже в напластованиях второй половины XIV в. По облику эти

⁵ Аналогичные головные уборы известны по раскопкам в древнем Берестье (Лысенко, 1985. С. 374) и на посаде крепости Орешек (Кирпичников, 1980. С. 50), но они имеют более широкие датировки: соответственно XIII–XIV вв. и XIV—конец XV в.

Рис. 2. Раскоп Дубошин II. Схема застройки горизонта 5 (1350–1360-е гг.) с обозначением мест находки войлочных шапок: 1 — 30-13-№ 14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51. Условные обозначения: а — трасса межусадебного частотола; б — постройки; в–д — тесанные внутриусадебные мощения

Fig. 2. Excavation area Duboshin II. Scheme of the buildings of horizon 5 (1350s–1360s) with findspots of felt caps: 1 — 30-13-№14; 2 — 31-40-№ 4; 3 — 35-3-№ 51. Keys: а — fence; б — buildings; в–д — intra-estate paving

предметы фактически аналогичны и различаются в основном степенью сохранности.

Дополнительным фактором, способствовавшим консервации органики, в том числе текстиля, в слое являются высокие темпы формирования культурных напластований, связанные с интенсивностью жизнедеятельности и качеством жизни новгородцев в этот период. По нашим наблюдениям, на раскопе Дубошин II культурный слой наиболее активно откладывался именно в XIV в. — мощность отложений этого периода более 3 м (для сравнения отметим, что за XIII столетие на участке отложилось около 1,3 м, а в XII в. — около 1,2 м слоя). Значительная мощность слоев XIV в. отмечена и на других раскопах центральной части Славенского конца — Ильинском, Михайловском, Кировском, Нутном (Колчин, Черных, 1978; Колчин, Хорошев, 1978; Колчин, Рыбина, 1982; Гайдуков, 1992).

Кроме сходства по форме, материалу, технологии изготовления и датировкам все известные к настоящему моменту войлочные шапки объединяют условия находки — в жилых кварталах древнерусских городов, в большинстве случаев в хозяйственной зоне усадеб. Сравнивая контекст находок, уместно заметить, что одна из известных

новгородских шапок с Неревского раскопа происходит с усадьбы «И1» и найдена между двумя срубами, как и шапка с Троицкого раскопа (Зубкова, Сингх, 2018. С. 84–85, рис. 5, 3; 3). Усадьба, по мнению П. И. Засурцева, принадлежала представителям боярского рода, но обитателями небольших жилых построек являлись люди, зависимые от хозяев усадьбы (Засурцев, 1963. С. 143–144). Войлочная шапка, найденная при раскопках средневекового посада крепости Орешек в 1968 г., обнаружена в сооружении, атрибутированном А. Н. Кирпичниковым как загон для скота, в слое навоза (Кирпичников, 1980. С. 50–51). Приведенные примеры весьма напоминают обстоятельства находки дубошинских шапок и свидетельствуют о том, что в XIV в. головные уборы такого типа были достаточно популярны среди горожан. Простота формы и доступность войлока как материала привели к широкому распространению колпака среди различных социальных слоев русского населения⁶.

⁶ По мнению исследователей, валяные из войлока шапки являлись обычным головным убором крестьян (Левашева, 1959. С. 54).

Рассмотренные в настоящей статье войлочные шапки явно не принадлежали представителям социальной верхушки Новгорода. Как свидетельствует предварительный анализ застройки и вещевого материала горизонта 5 раскопа Дубошин II, перед нами мужские головные уборы, которые могли носить обитатели городских усадеб среднего достатка. Были ли это владельцы усадеб или жив-

шие здесь зависимые люди, выполнявшие различные хозяйственные работы, — это, по выражению А. В. Арциховского, «гадательно». В заключение отметим, что для убедительной интерпретации имущественного и социального аспектов тех или иных находок необходимо тщательное комплексное изучение новгородской усадьбы — ее топографии, застройки, вещевого материала и хронологии.

Гайдуков, 1992 — Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: Наука, 1992. 198 с.

Гиппиус, Зализняк, 2018 — Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 7–24.

Долгих и др., 2018 — Долгих А. В., Петров М. И., Александровский А. Л. Культурный слой средневекового Новгорода: формирование, преобразование, современный облик // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия: Материалы междисциплинарной науч. конф. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2018. С. 57–63.

Засурцев, 1963 — Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. IV: Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 123). С. 5–165.

Зубкова, 2019 — Зубкова Е. С. Коллекция текстиля из раскопа Дубошин-II-2017 г. в Славенском конце Новгорода (краткий обзор) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 266–271.

Зубкова, Сингх, 2018 — Зубкова Е. С., Сингх В. К. Новые находки головных уборов из раскопок в Новгороде // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород: Любавич, 2018. С. 63–67.

Кирпичников, 1980 — Кирпичников А. Н. Древний Орешек / Под. ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука, Лен. отд., 1980. 124 с.

Колчин, Рыбина, 1982 — Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода / Под. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 178–238.

Колчин, Черных, 1978 — Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода / Под. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1978. С. 57–134.

Колчин, Хорошев, 1978 — Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Под. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1978. С. 135–173.

Левашева, 1959 — Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки истории русской деревни X–XIII вв.: Сб. ст. М.: ГИМ, 1959 (Тр. ГИМ; вып. 33). С. 38–60.

Лысенко, 1985 — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 395 с.

Петров, Тарабардина, 2019 — Петров М. И., Тарабардина О. А. Археологическое изучение Славенского конца. Раскоп Дубошин II в 2017 г. // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 28–33.

Felt caps of the 14th century from Duboshin II site in Novgorod

O. A. Tarabardina, M. I. Petrov, E. S. Zubkova

The article deals with three felt caps which were discovered during archaeological excavation on Duboshin II site in Novgorod. The text describes their characteristics, archaeological context, chronology and situation on certain city plot.

All three objects were discovered in cultural deposits of the city plot “A” dated back to the 1350s–1360s. Peculiarities of their deposition allows to suppose that one of objects was deposited in the early 1350s when construction activities at city estate “A” took place. Two others are slightly later and dated back to the 1360s. All of them are of a same kind: high bell-shaped felt headwear and at least one of them had turn-ups, two others are less preserved to discuss their style.

Analysis of city estate constructions and artifact complex allows to suppose that inhabitants of the household were of moderate income (not rich). Similar headwear discovered at three sites in Novgorod and also in Staraia Russa, Oreshek and Berest'e. They are quite similar in their form, material, technology of production and chronology; all of them were discovered in city plots. Our research shows that such felt caps were popular among city inhabitants in the 14th century Russia. Simplicity of forms and easy access to felt caused widespread of such caps in various strata of medieval population.